

УДК 94(470.47+571)

КОНЕВОДСТВО У КОЧЕВЫХ НАРОДОВ ЮГА РОССИИ В XIX в. И ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Екатерина Николаевна Бадмаева

доктор исторических наук, доцент,
директор МНИЦ «Ойраты и калмыки на евразийском пространстве»
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова,
Элиста, Российская Федерация
E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

А н н о т а ц и я

В статье рассматривается развитие коневодства у калмыков, туркмен и ногайцев в XIX–начале XX вв. в контексте природно-климатических факторов. Автор анализирует проблемы развития важнейшего вида животноводства — коневодства, занимающего одно из значительных мест в хозяйстве кочевников, тесно связанного с их укладом жизни.

Объектом исследования является коневодство у кочевых народов в развернутой исторической динамике. Представленная научная публикация выполнена на основе архивных материалов. Хронологические рамки охватывают временной отрезок с XIX по начало XX вв. Статья написана на основе широкого круга опубликованных и неопубликованных письменных источников, многие из которых впервые введены в научный оборот. В основном это материалы нормативного, законодательного и текущего характера, дающие ценные сведения по истории развития коневодства в местах проживания кочевников: калмыков, ногайцев и туркмен.

Доказано, что в условиях традиционного быта кочевников–скотоводов в имперский период, в ходе межхозяйственного взаимодействия на протяжении длительного времени, коневодство претерпело качественные изменения, появились другие породы лошадей.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Скотоводы-кочевники юга России, коневодство, калмыцкие, ногайские и туркменские скакуны.

UDC 94(470.47+571)

HORSE BREEDING AMONG THE NOMADIC PEOPLES OF SOUTHERN RUSSIA IN THE XIX CENTURY AND THE NATURAL-CLIMATIC FACTOR

Badmaeva Ekaterina N.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,

Director of the International Research Center

«Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space»,

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov

Elista, Russian Federation

E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Annotation

The article examines the development of horse breeding among the Kalmyks, Turkmens and Nogais in the 19th–early 20th centuries in the context of natural and climatic factors. The author analyzes the problems of developing the most important type of animal husbandry — horse breeding, which occupies one of the significant places in the economy of nomads, closely connected with their way of life. The object of the study is horse breeding among nomadic peoples in expanded historical dynamics. The presented scientific publication is based on archival materials. The chronological framework covers the time period from the 19th to the early 20th centuries. The article is written on the basis of a wide range of published and unpublished written sources, many of which are introduced into scientific circulation for the first time. These are mainly regulatory, legislative and current materials that provide valuable information on the history of horse breeding in the places of residence of nomads: Kalmyks, Nogais and Turkmens. It has been proven that in the conditions of traditional life of nomadic cattle breeders in the imperial period, in the course of inter-farm interaction over a long period of time, horse breeding underwent qualitatively improved changes, connected with other horse breeds.

Key words

Nomadic cattle breeders of the South of Russia, horse breeding, Kalmyk, Nogai and Turkmen racehorses.

ВВЕДЕНИЕ

Малоисследованная проблема развития коневодства у кочевых народов юга России предопределила выбор темы настоящего исследования, а также его цель, объект и комплекс задач. Объект исследования — коневодство кочевых народов в XIX–начале XX вв. Цель работы заключается в исследовании особенностей развития коневодства у кочевников: калмыков, ногайцев и туркмен. Актуальность заявленной темы исследования заключается в необходимости использования хозяйственного опыта прошлого времени в современных условиях рыночной экономики.

В XIX–начале XX в. Калмыцкая степь в административном отношении делилась на восемь улусов: Малодербетовский, Манычский, Икицохуровский, Харахусовский, Багацохуровский, Александровский, Эркетеневский, Яндыко-Мочажный. Один из них — Малодербетовский улус — кочевал на землях, принадлежавших и Астраханской, и Ставропольской губерниям. Положение от 8 марта 1860 г. установило подведомственность Большедербетовского улуса, отнеся его целиком к Медвежинскому уезду Ставропольской губернии. Таким образом, в административно-хозяйственном плане калмыцкие улусы оказались разорванными между двумя губерниями: Астраханской и Ставропольской. Такое «двойственное» положение вызывало неопределенность в административном подчинении калмыков и вследствие этого определенную сложность в управлении. Вхождение калмыцких улусов в разные губернии наложило свой отпечаток на весь спектр экономического развития степного народа, в то же время усложнило исследование проблемы калмыцкого скотоводства в целом и, в частности, калмыцкого коневодства.

«Мангышлакские» туркмены появились на Ставрополье в 1609 г. В их истории был период, когда по разным обстоятельствам они уходили из мест кочевания на юге Российского государства. После возвращения на прежние места царское правительство разрешило ставропольским туркменам кочевать от реки Кумы до Волги на Северном Кавказе. Пребывание туркмен в Ставропольской губернии продолжалось с XVIII до начала XIX вв. В 1825 г. было образовано Туркменское приставство. Ногайцы на всем Северном Кавказе и Ставрополье являются коренным этносом, старейшими жителями степей. Как самостоятельная народность ногайцы сформировались к середине XV в. В прошлом имели феодальное государство кочевников (ногайцев), функционировавшее на основе действующих в Золотой Орде государственных структур и суверенной системы управления» (Бадмаева, 2024: 327).

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСА

Отмечая значительные достижения в исследовании истории коневодства на юге России, необходимо подчеркнуть, что до сих пор не разработаны многие проблемы. Мы рассмотрим работы современных исследователей по интересующей нас проблеме за последние пять лет. Исследовательский интерес современных ученых в основном был направлен в большей степени на изучение социально-экономического положения кочевников и их хозяйственной деятельности в имперский период (Брусина, 2023; Лиджиева, 2017; Кидирниязов, 2023; Батыров, 2023; Джумагулова, 2022).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Предметом исследования в настоящей статье выступает коневодство у кочевых народов юга России в контексте природно-климатических факторов. Основным источником для исследования послужили ежегодные Обзоры Ставропольской губернии с приложением ко всеподданнейшему отчету (1883–1914 гг.), которые содержали подробные официальные статистические сведения, характеризующие хозяйственно-экономическое состояние сельского хозяйства, в частности, коневодства кочевых народов Ставропольской губернии, и отдельно развитие коневодческой отрасли калмыков Калмыцкой степи Астраханской губернии. Многие из выявленных нами архивных документов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Ставропольского края и Национального архива Республики Калмыкия ранее не публиковались. В целом использованные нами архивные материалы дали исчерпывающую информацию о состоянии у кочевых народов юга России коневодства, переживавшего в рассматриваемый период острый кризис, во многом обусловленный сложными природно-климатическими условиями территорий их проживания. Статистические данные из архивных источников позволяют отслеживать исторические процессы, часто выступая не только как средство передачи тех или иных исторических фактов, но и выполняя функцию свидетелей и действующих лиц истории, являют собой важную и незаменимую ее составную часть.

В исследовании применяются сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и сопоставительный методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В XIX в. коневодство занимало у кочевников юга России особое положение среди других отраслей животноводства. Лошади в коневодческом хозяйстве региона делились на три группы: сельскохозяйственные (рабочие), степные (табунные) и племенные. Основную группу конского поголовья представляли рабочие лошади, активно используемые на сельскохозяйственных работах, для перевозки тяжелых грузов и др. Табунные или степные лошади главным образом использовались для «ремонта» кавалерии в царской армии. Разведению племенных лошадей в регионе стали уделять все большее внимание к концу XIX в.

На характер и направление скотоводческого хозяйства кочевых народов юга России в XIX в. значительно влияли социально-политические события, происходившие в Российском государстве, и природно-экономические условия территории проживания номадов (Omakaeva, Badmaeva, 2024). В частности, совокупность таких природно-климатических явлений, как пыльные и песчаные бури, суховеи, засуха из-за отсутствия выпадения осадков в летнее время, гололед, заморозки, длительный зимний период, создавали основные проблемы в хозяйственной деятельности кочевников и негативно влияли на общую численность скота, в частности, лошадей. К примеру, природно-климатические катаклизмы явились причиной гибели большого количества лошадей у ногайцев (родов: караногайцев и едишкульцев) и падения роста численности конского поголовья: если в 1812 г. в ногайском хозяйстве

насчитывалось 22698 лошадей (Акты..., 1873: 877–878), то в 1884 г. их максимальное количество упало до 14454 гол. (Капельгородский, 2021: 190). Аналогичная картина наблюдалась у калмыков Большедербетовского улуса Ставропольской губернии: в 1883 г. численность лошадей составляла 1905 гол., а после голодного бедствия 1891 года, обусловленного засухой и неурожаем, их осталось всего 895 гол. (Обзор..., 1893: 1).

На упадок табунного коневодства ногайцев серьезным образом повлияли и социально-экономические факторы. В частности, переход к интенсивному земледелию в 1860–1870-е гг., повлекший за собой распашку пастбищных угодий на равнинах и предгорьях Северного Кавказа, приведший к значительному уменьшению пастбищ для скота и количества лошадиного поголовья. На сокращении численности лошадей и развитии табунного коневодства в регионе непосредственным образом сказалась также массовая эмиграция в Турцию ногайцев, недовольных земельными преобразованиями, проводимыми Россией в тот период. В целом, в Ставропольской губернии в 1877 г. численность лошадей увеличилась всего на 3376 гол., или на 3,5%, однако в сравнении с 1874 г. конское поголовье уменьшилось на 17,4%. Аналогичная картина наблюдалась и у кочевых народов, населявших Ставропольскую губернию: в 1874 г. — 37424 гол.; 1878 г. — 31029 гол. Коневодческое поголовье у них за 4 года (с 1874 по 1878 гг.) уменьшилось на 17,09% (Обзор..., 1871: 3).

1882 год выдался на редкость неблагоприятным по погодным условиям для скотоводческих хозяйств юга России. Ветреная и холодная весна, отсутствие осадков в летний и осенний период не благоприятствовали произрастанию растений (трав и злаков), вследствие чего результаты сенокосения и урожай хлебов далеко не оправдали ожиданий крестьян. Всходы трав из-за холодной весны были незначительны, хотя в отдельных местностях были высоки и густы, но, в целом, травостой был бы неплохим, если бы высокая температура, доходившая в начале мая до 25°, и практически полное отсутствие дождей не приостановили роста травяной растительности и затем окончательно не высушили. Вследствие таких губительных для роста трав условий покосов вовсе не было в Ачикулак-Джембойлуковском, Караногайском и в большей части Трухменского приставствах. На землях кочующих народов юга России всего было накошено: в Большедербетовском улусе 3949 стогов, в Трухменском приставстве — 9, всего было заготовлено 102890 стогов или около 25 млн пуд. (Обзор..., 1883: 3). В результате неурожая трав, а также недополученного объема зерновой продукции, численность коневодства по районам кочевых регионов уменьшилась и составила: в Большедербетовском улусе — 1700 гол.; Трухменском приставстве — 9016 гол.; Ачикулакском — 8190 гол. и Караногайском — 12783 гол.

К числу неблагоприятных факторов для успешного развития табунного коневодства специалисты нередко относили и специфику ногайского землепользования. Земля, по мнению ногайца того времени, принадлежала целому народу, и каждый член аульского коллектива имел право пользоваться пастбищами, чтобы они не были распарены. На этом основании, к примеру, ни один аул не мог иметь собственного сенокоса, так как на него всегда могли предъявить права жители других аулов. Такая точка зрения вела к тому, что многие населенные пункты не отводили

себе сенокосные места, другие имели их в ограниченных размерах. К тому же покосы на пай у ногайцев делились сообразно числу мужских душ в аулах. Подобный принцип распределения никак не укладывался в общепринятый правовой уклад кочевников и вносил полную дезорганизацию в крупные инородческие хозяйства. При душевом распределении ни один крупный скотовладелец был не в состоянии обеспечить свой скот необходимым количеством корма на зиму, так как на его долю нередко приходился усеченный размер земли, в отличие от бедного, но многосемейного ногайца из его одноаульцев. Между тем, крупному коневоду необходимо было довольствоваться сотнями голов имеющихся у него лошадей. А заготовка кормов была не рентабельна, в силу высокой рыночной цены и слабой продуктивности разводимых животных. Таким образом, целая совокупность одновременно действующих причин вызвала упадок степного коневодства у скотоводов–ногайцев Ставропольской губернии.

В этот период свободные привольные степи юга России активно заселяются русскими крестьянами, которые исконные земли кочевников стали использовать под сельскохозяйственное освоение, вследствие чего все чаще возникала необходимость и потребность в рабочих лошадях для растениеводческих работ в качестве гужевого и тяглового транспорта. Естественно, сжимаются пастбища для скота, и это негативно влияет на развитие табунного (степного) коневодства кочевников.

В рассматриваемый нами период главной и важнейшей отраслью юга России и Ставропольской губернии являлось сельское хозяйство с преобладающим направлением экономической деятельности населения на скотоводство, обусловившее размеры земледелия. Количество запашки каждого отдельного сельского хозяина находилось в прямой зависимости от количества имеющегося у него рабочего скота. Крестьяне испытывали некоторое стеснение на землях общинного владения, недостаток пастбищных и сенокосных мест, и восполняли это арендой казенных и помещичьих земель, а также земель у кочующих народов (Обзор, 1884: 1). Лошадь по-прежнему являлась главным работником крестьянского хозяйства и основной тягловой силой. В связи с этим общее количество рабочих лошадей на юге России в сравнении с 1882 г. стало постепенно увеличиваться, хотя не везде — в Караногайском приставстве в 1884 г. наблюдается резкое понижение количества лошадей.

Таблица 1

**Количество лошадей у калмыцких, тухменских и ногайских скотоводов
Ставропольской губернии (1883, 1884, 1886, 1887 гг.)
(Обзоры..., 1884, 1885, 1887, 1888)**

Районы	Лошадей (гол.)			
	1883 г.	1884 г.	1886 г.	1887 г.
Большедербетовский улус	1905	2617	2792	2046
Трухменское приставство	9949	10471	11337	11041
Ачикулак-Джембулукское приставство	9124	9424	7099	7412
Караногайское приставство	25019	14454	14822	15113

Голод 1891–1892 гг., во многом обусловленный очередными природно-климатическими катаклизмами, явился крупным народным бедствием, вызвавшим экономический кризис в стране, затронувшим и животноводческий сектор Юга России. В нижеследующей таблице показано резкое падение коневодства у калмыков, ногайцев и туркмен.

Таблица 2

**Количество лошадей у калмыцких, туркменских и ногайских скотоводов
 Ставропольской губернии (1892-1894 гг.).
 (Обзоры..., 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1898)**

Районы	Лошадей (гол.)				
	на 31.12. 1890 г.	на 31.12. 1892 г.	на 31.12. 1893 г.	1894 г.	1897 г.
Большедербетовский улус	994	895	1146	1172	1969
Трухменское приставство	4919	1140	2224	2521	5508
Ачикулак-Джембулуковское приставство	3271	2786	2536	3656	1443

В последующие годы скотоводов юга России ожидали не менее трудные испытания, связанные с последствиями часто случающихся на территории природно-климатических катаклизмов. Летом 1892-1893 гг. и 1895-1896 гг. Калмыкию постигла сильная засуха. Сложной по погодным условиям была зима 1895-1896 гг. Как отмечает И. Лиджиева, «зима 1895–1896 гг. выдалась суровая, морозная, необычайно снежная и ветреная, с оттепелями, которая началась в первых числах ноября и окончилась в последних числах марта» (Лиджиева, 2022: 1117). Жесточайшие погодные условия года не позволили скотоводам осуществить выпас скота на подножных кормах, а сенных запасов у кочевников, как правило, не имелось. Из-за угрозы наступления массового падежа животных предстоящей зимой, скотоводы были вынуждены продавать свой скот за бесценок на местных базарах. В продажу шли даже лошади, что было несвойственно калмыкам: конь для них был символом гордости, показателем обеспеченности и определенного достатка. Конь либо дарился, либо обменивался, лишь в исключительных случаях продавался. Рынок или спрос на лошадей в тот период определялся таким образом: Военное министерство (ежегодно ремонтные лошади для кавалерии, артиллерии и обоза); сельские хозяева — от крестьянина и до крупного земледельца включительно и, наконец, заграничные покупатели (ГАСК. Ф. 68. Оп. 2. Д. 7167. Л. 60б).

По данным, относящимся к 1883 г., у астраханских калмыков имелось 39028 гол., а, по сведениям Костенкова, в 1869 г. имелось 64777 гол. лошадей. Следовательно, за 14 лет калмыцкое коневодство уменьшилось на 25749 гол. или на 39,7%. В 1880–1881 г. от бескормицы погибло множество скота, особенно это коснулось калмыцких лошадей (Медведский, 1885: 125).

Природно-климатические особенности Калмыцкой степи Астраханской губернии (суровые со снежными заносами, но чаще бесснежные зимы; жаркие весенние и ветреные летние месяцы) стали определяющими в снижении количественных показателей лошадей в 1874/1875 гг., 1879/1880 гг.; 1892/1893 гг.; 1895/1896 гг.

Таблица 3

**Динамика количества лошадей в Калмыцкой степи Астраханской губернии
(Лиджиева, 2022: 1117)**

Год	Лошадей (гол.)
1870	86980
1875	57832
1878	47080
1880	38952
1883	39028
1884	51043
1885	55576
1890	77635
1891	107032
1892	163784
1893	58493
1895	69109
1896	47102
1900	65381

Лошади у калмыков-кочевников традиционно рождались, вырастали и бродили табунами в открытой степи круглый год. В начале 1900-х гг. в России начался переход от табунного способа к коннозаводскому разведению лошадей, предназначенных для снабжения кавалерии. Однако конезаводы не смогли полностью вытеснить хозяйственное коневодство промышленным, так как крестьянству для повседневных нужд необходимы были простые рабочие лошади, служившие им основной транспортной тягловой силой. В указанные годы у кочевников Ставропольской губернии мы фиксируем нестабильное количество лошадей.

Таблица 4

**Динамика количества лошадей у кочевников-скотоводов
Ставропольской губернии (1909–1913 гг.) (ГАСК. Ф. 249. П. 2. Д. 1026. Л. 6)**

Районы	Лошадей (гол.)		
	1909 г.	1910 г.	1913 г.
Ачикулакское приставство	7450	5367	8274
Трухменское приставство	15570	12639	12134
Большедербетовский улус	4169	5367	3918

В Ставропольской губернии вместе с развитием земледелия активно развивалось и коневодство, поэтому становятся вполне понятными те заботы и стремления о качественном улучшении этой отрасли животноводства, которые наблюдаются в тот период среди кочевого населения, результатом чего стало существование в ней, кроме 2-х постоянных случных пунктов, одного в Туркменском приставстве, открытого в 1908 г. по ходатайству начальника губернии главного управления государственного коннозаводства, и второго (на Ачикулакской ставке), устроенного на

средства ногайского народа, а также еще временных случных пунктов с производителями, принадлежащими преимущественно государственному коннозаводству и сельским, и инородческим обществам (Обзор, 1911: 1).

В XIX в. у кочевников использовались в основном две степные (табунные) породы лошадей: калмыцкая и ногайская. Впоследствии лошади утратили свой первоначальный вид, смешавшись между собой, при этом они представляли собой скрещенную породу, используемую больше в упряжи и реже для верховой езды. Вот что отмечал председатель кавалерийской Ремонтной комиссии по Северному Кавказу по поводу породных качеств лошадей у кочевых народов: «К сожалению, ногайская и туркменская лошадь превратилась в простую беспородную рабочую и утратила все достоинства степной породы. Благодаря неправильному выбору производителей по скрещиванию с плохими рысистыми или, рабочего типа, беспородными жеребцами, присущие им недостатки передавались в потомство <...> Состояние табунного коневодства туркмен и ногайцев Ставропольской губернии, смотря на него с промышленной точки зрения, непривлекательно и не представляет ничего утешительного в будущем <...> По мере распространения русской колонизации в губернии и расширение земледельческой культуры, табунное коневодство, постепенно все более и более лишенное удобных мест выпаса и водопоя, неминуемо будет прогрессивно уменьшаться. К тому же степное коневодство слишком долго и упорно ведется на монголо-татарский лад» (ГАСК. Ф. 68. Оп. 2. Д. 7167. Л. 2, 4, 4об).

В условиях ухудшения породных качеств местных лошадей заведующий постоянным случным пунктом по Летней туркменской ставке в докладной записке в 1913 г. на имя главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии предлагал меры по поддержанию и улучшению пород ногайских и туркменских лошадей: «коневодство ногайцев и туркмен, возникнув органично, привольно и самобытно, в настоящее время, несмотря на сравнительный упадок, представляется довольно богатым конским запасом. Однако опыт наглядно убеждает, коневой промысел при изменившихся ныне условиях не в силах удерживать его на должной высоте. Породы стали вырождаться, число лошадей сокращаться с роковым количеством, а потому само правительство должно взять на себя почин и поставить коневодство туркмен и ногайцев на высоту, соответствующую богатству естественных условий» (ГАСК. Ф. 68. Оп. 2. Д. 7167. Л. 10об). В указанном документе отмечалось, что федеральным властям необходимо принять меры для поддержания и улучшения ногайских и туркменских пород лошадей, предоставив кочевникам-скотоводам в долгосрочное пользование на льготных условиях туркменские и ногайские участки земли в свободных туркменских степях, для производства сенокосения и для устройства на них зимников с питомниками для жеребят. Также предлагалось для совершенствования туркменской и ногайской породы лошадей активно использовать донских производителей.

Лошадь для калмыка с незапамятных времен имела особое значение и играла важнейшую роль в его жизни, в ведении традиционного пастбищного животноводства. Выведенная ойратами (калмыками) за долгие годы калмыцкая порода лошадей отличалась поразительной крепостью и выносливостью, способностью преодолевать большие расстояния и умением тебеневать, т.е. добывать в зимнее время корм из-под снега. Выработке подобного типа калмыцкой лошади с превосходными

качественными характеристиками во многом способствовал кочевой образ жизни калмыка в суровых условиях: недостаток кормов, отсутствие водных источников, нахождение лошадей круглый год под открытым небом и вынужденная борьба с часто случавшимися стихийными природными бедствиями. В 1883 г. комиссия под руководством старшего чиновника особых поручений П. Медведского отметила: «осматривая калмыцкие табуны, мы не могли не заметить, что лошади носят на себе в различной степени следы метизации и улучшения, выражающаяся как в росте, так и в формах различных частей тела, представляя в общем даже различные степени облагораживания» (Медведский, 1885: 185).

С 1882 г. в Калмыцкой степи начинают возникать коневодческие хозяйства, занимающиеся выращиванием породистых лошадей, так называемые конные заводы¹. Рассмотрим улусы, в которых больше всего имелось конных заводов. Так, в Александровском улусе из 2157 гол. лошадей заводских было жеребцов — 90 гол., маток — 1242, жеребят — 825 гол. Самый крупный коневод в улусе Б.-Х. Эрдениев имел 25 заводских жеребцов и 240 маток. В Багацохуровском улусе из 3044 гол. имелось 155 гол. заводских жеребцов, 1822 маток и жеребцов в возрасте от 1 до 3 лет — 1067 гол. Крупный коневод Ц.-Д. Онкоров, проживающий в этом улусе, имел 32 заводских жеребца, 390 маток и 10 маточных жеребят (Медведский, 1885: 127).

В 1883 г. в Икицохуровском улусе имелось заводских жеребцов — 63 головы, заводских маток — 597 гол., жеребят от 1 до 3-х лет — 216 гол. Всего лошадей имелось 876 гол. Всего в улусе находилось 28 табунов, в среднем по 76,7 лошадей в табуне (РГИА. Ф. 1291. Оп. 85. Д. 234. Л.1). Крупный коневод Б. Леджинов этого улуса имел 20 заводских жеребцов и 180 маток и 1 жеребца. В Мало-Дербетовском улусе имелось 279 заводских жеребцов, заводских маток 3221 гол., жеребят — 1990 гол. Итого: 5490 гол. лошадей. О. Деликов, известный коневод улуса имел 15 заводских жеребцов, 200 маток и 1 жеребенка. В Эркетеневском улусе имелось 146 гол. заводских жеребцов, 1360 маток, жеребцов — 821 гол. Всего 2327 гол. лошадей. Самый крупный коневод в улусе Н. Зунгруев имел 27 заводских жеребцов, 271 матку и 1 жеребца (Медведский, 1885: 130–131). У нойона С.-Д.С. Тундутова в табуне из 150 гол. имелось 6 косячных жеребцов и 50 маток. Табун представлял разнотипный, неоднородный состав, но были лошади с хорошими породными качествами.

Из перечисленного выше можно заключить, что в 1883 г. из 39028 гол. калмыцких лошадей на долю хозяйственного коневодства приходилось 16114 гол. На долю конных заводов приходилось 58,7% всего коневодства. В указанный период было продано 2911 гол. лошадей или 7,45% от всего числа лошадей и 12,2% породистых лошадей (Медведский, 1885: 131). При этом отметим, что территория под пастбища астраханских калмыков в указанный период составляла 7748039 дес., учитывая, что калмыцкие степи были совершенно непригодны под пастбища. Для насыщения в среднем лошади надлежало употребить 100 ф. травы в сутки, на круглый год на 1 лошадь требовалось 9,73 дес. Следовательно, «для всей массы коневодства было необходимо 379742,44 дес., учитывая при этом, что потребность в пастбищах испытывали и другие отрасли животноводства, как КРС, овцы и верблюды» (Медведский, 1885: 132).

¹Конные заводы, коневодческие хозяйства, в которых разводят породных лошадей для племенных и пользовательных целей.

Несмотря на жесткие природно-климатические условия, коневоды Калмыцкой степи Астраханской губернии прилагали все свои усилия для разведения лошадей, как для нужд армии, так и для хозяйственной деятельности. В 1891 г. калмыцкие коневоды продали в ремонт 5900 гол. лошадей (НАРК. Ф.И-9. Оп. 5. Д. 1228. Л.2.). Малодербетовский нойон Ц.Д. Тундутов в течение 1901–1902 гг. продал в ремонт 48 лошадей. Усиливающийся спрос на лошадей привел к интенсивному развитию калмыцкого коневодства. В калмыцкой степи стали организовываться конные заводы. Так, крупнейший коневод, зайсанг Бага-Чоносова рода южной части Малодербетовского улуса Э.-У.З. Дондуков, являющийся корреспондентом Главного управления государственного коннозаводства, устроил на 18 лет рассадник лошадей калмыцкой породы в урочище «Эмне-Нур» — «для улучшения <...> степного коневодства вообще». Многие калмыцкие коневоды проводили кропотливую селекционную работу по улучшению породы калмыцкой лошади, дополняя свои табуны чистокровными жеребцами государственных коневодческих заводов (Батыров, 2010: 65). Они считали свои патриотическим долгом участвовать в систематически проводимой акции привлечения лошадей в регулярную кавалерию и армию. Во время Первой мировой войны для нужд армии были закуплены местные породы лошадей, известные далеко за пределами региона. Все это говорит о том, что Калмыцкая степь в XIX — начале XX вв. была регионом с широко развитым табунным, племенным коневодством.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коневодство является одной из ведущих отраслей животноводства кочевых народов юга России. В течение многих столетий лошадь — неотъемлемая часть кочевой жизни калмыков, ногайцев и туркмен. Под воздействием природно-климатических условий и традиционного быта кочевых народов юга России, в ходе межхозяйственного взаимодействия на протяжении длительного времени калмыцкие, ногайские и туркменские лошади претерпели качественные изменения, смешавшись с прочими породами — лошадьми донских степей, кабардинскими лошадьми, туркменскими породами Мангышлака и др. Племенное коневодство в настоящее время — один из базовых брендов АПК у калмыков, ногайцев и туркмен. Также развивается табунное коневодство. Лошадь и сегодня широко востребована в скотоводческих хозяйствах, присутствует в повседневной жизни ранее кочевых народов юга России, например, в традиционных для них конных скачках.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 22-18-00313, <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>. «Трансформация кочевых обществ юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX–XX вв.)»

Литература

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее — АКАК), (1873). Архив Главного Управления наместника Кавказского. Тифлис. V. 1170.

Бадмаева, Е. Н. (2024). Советское государство и кочевые народы юга России: социально-политические процессы и природно-климатические факторы (1920–1930-е гг.). *Научный диалог*. 13(4). 324–345.

Батыров, В. В. (2023). Адаптационные стратегии калмыков во второй половине XIX в.: процессы перехода к полуседлому хозяйству. *Nomadic Civilization: Historical Research*. 3. 4. 57–70.

Батыров, В.В. (2010). Калмыцкое коневодство и военная реформа Д.А. Милютин в конце XIX–начале XX в. *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 1. 65–66.

Брусина, О. И. (2023). Трансформация кочевого образа жизни ставропольских туркмен в XIX–XX вв. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2. 62–71.

Государственный архив Ставропольского края (далее — ГАСК).

Джумагулова, А.Т. (2022). Особенности состояния экономики ногайских обществ Северного Кавказа в XIX–начале XX вв. *Научный диалог*. 11. 7. 377–397.

Капельгородский, Ф. (2021). *Караногай, страна кочевников и патриархального быта: Окончание*. Москва.

Кидирниязов, Д.С. (2023). Сочинение И.Т. Мутенина как источник по экономическому развитию ногайцев Северо-Восточного Кавказа в XIX–XX вв. *Вестник Академии наук Чеченской Республики*. 2(61). 30–38.

Лиджиева, И. В. (2022). Природно-климатические условия как фактор хозяйственного развития кочевых обществ (на примере калмыков). *Былые годы*. 17(3). 1114–1124.

Лиджиева, И. В. (2017). Хозяйство и природопользование в деятельности органов местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX–XX вв. *Вестник Томского государственного университета. История*. 46. 22–27.

Медведский, П. М. (1885). *Отчет о командировке в 1884 году главного ветеринара-консультанта Главного управления Государственного Коннозаводства, магистра ветеринарных наук, действительного статского советника Медведского, старшего чиновника особых поручений того-же Управления подполковника Фейхтнера и причисленного к Управлению, магистра агрономии, коллежского ассесора Костычева, с целью исследования коневодства киргизов Тургайской и Уральской областей, Внутренней Киргизской Орды и Астраханских калмыков*. СПб: типография Месника и Римана.

Обзор Ставропольской губернии за 1878 год: приложение ко всеподданнейшему отчету (1879). Ставрополь: типография губернского правления.

Обзор Ставропольской губернии за 1882 год: приложение ко всеподданнейшему отчету (1883). Ставрополь: типография губернского правления.

Обзор Ставропольской губернии за 1883 год: приложение ко всеподданнейшему отчету (1884). Ставрополь: типография губернского правления.

Обзор Ставропольской губернии за 1884 год: приложение ко всеподданнейшему отчету (1885). Ставрополь: типография губернского правления.

Обзор Ставропольской губернии за 1886 год: приложение ко всеподданнейшему отчету (1887). Ставрополь: типография губернского правления.

Обзор Ставропольской губернии за 1887 год: приложение ко всеподданнейшему отчету (1888). Ставрополь: типография губернского правления.

Обзор Ставропольской губернии за 1890 год: приложение ко всеподданнейшему отчету (1891). Ставрополь: типография губернского правления.

Обзор Ставропольской губернии за 1892 год: приложение ко всеподданнейшему отчету (1893). Ставрополь: типография губернского правления.

Обзор Ставропольской губернии за 1893 год: приложение ко всеподданнейшему отчету (1894). Ставрополь: типография губернского правления.

Обзор Ставропольской губернии за 1894 год: приложение ко всеподданнейшему отчету (1895). Ставрополь: типография губернского правления.

Обзор Ставропольской губернии за 1897 год: приложение ко всеподданнейшему отчету (1898). Ставрополь: типография губернского правления.

Обзор Ставропольской губернии за 1910 год: приложение ко всеподданнейшему отчету (1911). Ставрополь: типография губернского правления.

Omaeva, E. U., Badmaeva, E. N. (2024). The Role of Weather and the Natural-Climate Factor in the Daily Nomadic Life of the Kalmyks in the Context of Traditional Nature Utilization: Effective Frontier Practices. *Journal of Frontier Studies*. 9. 1(33). 82–100.

References

Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissii (hereinafter referred to as AKAK (1873). *Arxiv Glavnogo Upravleniya namestnika Kavkazskogo*. Tiflis. V. 1170.

Badmaeva, E. N. (2024). Sovetskoe gosudarstvo i kochevye narody yuga Rossii: social'no-politicheskie processy i prirodno-klimaticheskie faktory (1920–1930-e gg.). *Nauchnyy dialog*. 13(4). 324–345.

Batyrov, V. V. (2023). Adaptacionnye strategii kalmykov vo vtoroj polovine XIX v.: processy perexoda k poluosedlomu khozyajstvu. *Nomadic Civilization: Historical Research*. 3. 4. 57–70.

Batyrov, V.V. (2010). Kalmy'czkoe konevodstvo i voennaya reforma D.A. Milyutina v konce XIX–nachale XX v. *Vestnik Kalmyczkogo instituta gumanitarnyx issledovanij RAN*. 1. 65–66.

Brusina, O. I. (2023). Transformaciya kochevogo obraza zhizni stavropol'skix turkmenov v XIX–XX vv. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2. 62–71.

Gosudarstvennyj arxiv Stavropol'skogo kraja (hereinafter referred to as GASK).

Dzhumagulova, A.T. (2022). Osobennosti sostoyaniya ekonomiki nogajskix obshhestv Severnogo Kavkaza v XIX–nachale XX vv. *Nauchnyy dialog*. 11. 7. 377–397.

Kapel'gorodskij, F. (2021). *Karanogaj, strana kochnikov i patriarxal'nogo byta: Okonchanie*. Moskva.

Kidirniyazov, D.S. (2023). Sochinenie I.T. Mutenina kak istochnik po ekonomicheskomu razvitiyu nogajcev Severo-Vostochnogo Kavkaza v XIX–XX vv. *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki*. 2(61). 30–38.

Lidzhieva, I. V. (2022). Prirodno-klimaticheskie usloviya kak faktor khozyajstvennogo razvitiya kochevyx obshhestv (na primere kalmykov). *Bylye gody*. 17(3). 1114–1124.

Lidzhieva, I. V. (2017). Khozyajstvo i prirodoopol'zovanie v deyatel'nosti organov mestnogo samoupravleniya Kalmyczkoj stepi v XIX–XX vv. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 46. 22–27.

Medvedskij, P. M. (1885). *Otchet o komandirovke v 1884 godu glavnogo veterinara-konsul'tanta Glavnogo upravleniya Gosudarstvennogo Konnozavodstva, magistra veterinarny'x nauk, dejstvitel'nogo statskogo sovetnika Medvedskogo, starshego chinovnika osoby'x poruchenij togo-zhe Upravleniya*

podpolkovnika Fejxtnera i prichislenno k Upravleniyu, magistra agronomii, kollezhskogo assessora Kostycheva, s celyu issledovaniya konevodstva kirgizov Turgajskoj i Ural'skoj oblasti, Vnutrennej Kirgizskoj Ordy i Astraxanskix kalmykov. SPb: Tipografiya Mesnika i Rimana.

Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1878 god: prilozhenie ko vsepoddannejšemu otchetu (1879).
Stavropol': tipografiya gubernskogo pravleniya.

Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1882 god: prilozhenie ko vsepoddannejšemu otchetu (1883).
Stavropol': tipografiya gubernskogo pravleniya.

Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1883 god: prilozhenie ko vsepoddannejšemu otchetu (1884).
Stavropol': tipografiya gubernskogo pravleniya.

Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1884 god: prilozhenie ko vsepoddannejšemu otchetu (1885).
Stavropol': tipografiya gubernskogo pravleniya.

Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1886 god: prilozhenie ko vsepoddannejšemu otchetu (1887).
Stavropol': tipografiya gubernskogo pravleniya.

Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1887 god: prilozhenie ko vsepoddannejšemu otchetu (1888).
Stavropol': tipografiya gubernskogo pravleniya.

Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1890 god: prilozhenie ko vsepoddannejšemu otchetu (1891).
Stavropol': tipografiya gubernskogo pravleniya.

Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1892 god: prilozhenie ko vsepoddannejšemu otchetu (1893).
Stavropol': tipografiya gubernskogo pravleniya.

Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1893 god: prilozhenie ko vsepoddannejšemu otchetu (1894).
Stavropol': tipografiya gubernskogo pravleniya.

Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1894 god: prilozhenie ko vsepoddannejšemu otchetu (1895).
Stavropol': tipografiya gubernskogo pravleniya.

Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1897 god: prilozhenie ko vsepoddannejšemu otchetu (1898).
Stavropol': tipografiya gubernskogo pravleniya.

Obzor Stavropol'skoj gubernii za 1910 god: prilozhenie ko vsepoddannejšemu otchetu (1911).
Stavropol': tipografiya gubernskogo pravleniya.

Omakaeva, E. U., Badmaeva, E. N. (2024). The Role of Weather and the Natural-Climate Factor in the Daily Nomadic Life of the Kalmyks in the Context of Traditional Nature Utilization: Effective Frontier Practices. *Journal of Frontier Studies*. 9. 1(33). 82–100.